

Т. В. Топорова

О СПЕЦИФИКЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ, ВОСХОДЯЩИХ К ОБОЗНАЧЕНИЯМ ФЛОРЫ, В СТАРШЕЙ ЭДДЕ

Исследование природы эпического слова на примере обозначений флоры в древнеисландском поэтическом памятнике, отражающем мифопоэтическую модель мира, – Старшей Эдде, сохранившейся до наших дней в составе рукописей конца XIII – начала XIV вв. и включающей песни мифологического и героического содержания, в течение длительного периода функционирующие в устной традиции, обнаруживает любопытное явление: зафиксировано несколько производных имен собственных. Естественно, их наличие, способы деривации и семантические мотивировки нуждаются в интерпретации.

Как известно, подвижность границ между именем нарицательным и именем собственным типична для мифопоэтической модели мира. Она предопределена ее фундаментальным свойством – «номинализмом», сущность которого состоит в том, что «творение было завершено, когда все, что было сотворено, получило свое и м я с л о в о, и именно этот ономатетический акт стал первым шагом в становлении культуры. Каждое с л о в о первоначально было и м е н е м; оно было сакральное» [Топоров, 1998, 35]. Блестящий образец номинализма демонстрируют эддические «Речи Альвиса», диалог на космологические темы между мудрым карликом Альвисом и богом Тором, когда каждый элемент вселенной (в том числе и растения) обозначается на языке богов, людей, карликов и великанов, т. е. апеллатив низводится до своих истоков и функционирует как первое имя. Нельзя не упомянуть важнейшей особенности германского аллитерационного стиха, в котором номинализм получил формальное выражение: главные ударные позиции стихе – первую и третью заполняли, как правило, аллитерирующие имена существительные, а безударную четвертую – глаголы.

Приведем соответствующие контексты из растительной сферы (модель «единичный апеллятив = имя собственное»¹):

Segðu mér þat, Alviss – öll of röc fira // voromc, dvergr, at vitir, – // hvé sá viðr heitir, er vex fyr alda sonom // heimi hveriom í. // Viðr heitir með mönnum, enn vallar fax með goðom, // kalla hliðþang halir, // eldi iotnar, álfar fagrlima, // kalla vönd vanir [Alv. 28] (Тор сказал:) <Альвис, скажи мне, – про все, что есть в мире, // наверно, ты знаешь, // – как лес называется, который растет для людей // в каждом из миров? // Лес зовется у людей, а у богов – грива равнины, // называют склона водорослью люди, // дрова у великанов, у альвов – с прекрасными ветками, // называют прutom ванны>*²;

Segðu mér þat, Alviss – öll of röc fira // voromc, dvergr, at vitir, – // hvé þat súð heitir, er sá alda synir // heimi hveriom í [Alv. 31] <как посев называется, который сеют люди // в каждом из миров>*;

Bygg heitir með monnom, enn barr með goðom, // kalla vaxt vanir, // æti iotnar, álfar lagastaf // kalla i helio hnipinn [Alv. 32] <Ячень зовется у людей, а хвоя – у богов, // называют растением ваны, // съедобным – великаны, альвы – порядка шестом, // называют в хель сгибающимся>*.

Есть все основания трактовать как *hapax legomena*, т. е. окказиональные обозначения дерева *vallar fax* ‘грива равнины’, *hliðþang* ‘склона водоросль’, *eldi* ‘дрова’, *fagrlima* ‘с прекрасными ветками’, *vönd* ‘прут’ и посева *barr* ‘хвоя’, *vaxt* ‘растение’, *æti* ‘съедобное’, *lagastaf* ‘порядка шест’, *hnipinn* ‘сгибающийся’ в качестве имен собственных. При таком подходе решающим фактором становится единичность употребления апеллятива.

Следующий этап образования имени собственного от имени нарицательного, обозначения флоры, воплощается в персонификации апеллятива (модель «а п е л л я т и в → и м я с о б с т в е н н о е»). Ср. др.-исл. *ascr* ‘яшень’ *vice versa* др.-исл. *Ascr* (имя первого мужчины, созданного богами,) и др.-исл. *Embla* (имя первой женщины) < др.-исл. *almr* ‘вяз’: *Unz þrír qvómo ór því liði, // öflgir oc ástgir, æsir, at húsi; // fundo á landi, litt megandi, // Asc oc Emblo, ørlöglausa* [Vsp. 17] <Пока не пришли трое из того войска // могучих и благих асов к дому; // нашли на суше мало могущих³ // Ясеня [первого мужчину] и Лозу [первую женщину], судьбы лишенных>⁴.

¹ Параллелью такой модели можно считать восприятие первых объектов, созданных огами, в мифе творения, например *первого дерева, первой горы, первого облака*, функционирующих в качестве прецедента, образца для всех последующих представителей соответствующего класса.

² Знак * («звездочка») используется при дословном переводе автора статьи эддических песен.

³ Т. е. не имеющих жизненно важных признаков; в следующей строфе «Прорицания вельвы» сообщается, что боги наделили первых людей духом, дыханием, румянцем и теплом и этими действиями превратили «бездушные» куски дерева – ясеня и вяза – в людей, прародителей человеческого рода.

⁴ Ср. аналогию к эддическому мотиву изготовления первого человека (др.-исл. *Ascr*) из куска ясеня (др.-исл. *ascr*) – др.-англ. *Æsc*, эпонимический предок рода *Æscing*’ов [Vries, 1970, II, 371].

Обратное явление – метафора «человек → дерево» также распространено в Старшей Эдде⁵. Ср. многочисленные примеры уподоблений на основе растительной символики: Сигурд во «Второй песне о Гудрун» сравнивается с луком, а его противники – сыновья Гьюки – с травой (*gras*); Хельги сравнивается во «Второй песне о Хельги, убийце Хундинга» с благородным ясенем (*ascr*), а войско – с шиповником (*þyrnir*), над которым он возвышается.

Другой образ, широко распространенный в сравнениях, – *дерево без веток* или *без корней* как символ одиночества, изолированности от социума: сыновья Атли, убитые их матерью, сравниваются во «Второй песне о Гудрун» с побегами (*teinn*), лишенными корней (*rót*); Атли, разлученный с сыновьями, сравнивается в «Гренландских речах Атли» с деревом (*tré*) с подрубленным корнем (*tág*), со стволом (*hnefi*) без веток (*qvistr*); Гудрун, оставшаяся без дочери, сравнивается в «Речах Хамдира» с деревом (*viðr*) без листвы (*lauf*), с сосной (*fura*) без веток (*qvistr*), с осинкой (*ösp*), затесавшейся в роще (*holt*).

Несколько иной, более сложный случай репрезентирован парой «а п е л л я т и в – п р о и з в о д н о е и м я с о б с т в е н н о е», а именно др.-исл. *barr* ‘хвоя’ – *Barri* «Хвойная», название сакральной рощи, где должно состояться свидание бога Фрейра и великанши Герд. Оба словоупотребления засвидетельствованы в Старшей Эдде. Ср.: *Hrørnar þöll, sú er stendr þorpi á, // hlýra henni borcr né barr* [Háv. 50] <Умирает сосна, которая стоит у дома, // не защищают ее ни кора, ни хвоя>*; *Barri heitir, er við bæði vitom, // lundr lognfara* [Skm. 39; 41] <Хвоей зовется, которую мы оба знаем, // роща тихая>.*

Другой пример той же модели отражает пара др.-исл. *bygg* ‘ячмень’ – *Byggvir*, «Имеющий отношение к ячменю», теоним. Природа этого персонажа, принадлежащего к низовому аграрному слою древнеисландской мифологии, может быть прояснена, если принять во внимание упреки, брошенные в пылу перебранки злокозненным богом Локи Бюггвиру, в частности, в укрывании в соломе или в пребывании за жерновом Фрейра, характеризующие размолотое зерно. Если принять такую интерпретацию (злак → персонификация злака), то напрашивается сопоставление Бюггвира с персонажем английской баллады – Джоном Ячменным зерном [см.: Vries, 1970, II, 205].

Различие между др.-исл. *barr* ‘хвоя’ – *Barri* «Хвойная» и др.-исл. *bygg* ‘ячмень’ – *Byggvir* «Имеющий отношение к ячменю», теонимом, заключается в том, что в первом случае результат деривации реализует топоним, а во втором – *poten agentis*. Иными словами, мы имеем дело с феноменами дифференциации, сопровождающейся идеализацией (*хвоя* → *лучшая, уникальная хвоя*), и персонификации (*ячмень* → *Ячмень*).

Эддический материал наглядно демонстрирует механизм преобразования апеллатива – обозначения флоры – в имя (топоним или *poten propria*), осуществляе-

⁵ В русских былинах наблюдается противоположное семантическое развитие «человек → дерево» (ср. превращение *Василия* и *Софьи* в *кипарисное дерево* и *вербу*).

мого при помощи различных языковых средств (словообразовательных, например, суффиксации, а также семантических, например, персонификации), и убедительно свидетельствует о ключевой роли мифа в данном процессе (ср. первые объекты космогонического мифа, по сути дела эквивалентные именам).

Старшая Эдда: Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А. И. Корсуна. Ред., вступ. ст. и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963.

Топоров В. Н. Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции (Введение к курсу истории славянских литератур). М., 1998.

Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.

Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. 1–2. Dritte, unveränderte Aufl. Berlin, 1970.

Сокращения в названиях глав Эдды

Alv. – Alvíssmál «Речи Альвиса»

Skm. – For Scírnis «Поездка Скирнира»

Háv. – Hávamál «Речи Высокого»

Vsp. – Völuspá «Прорицание вёльвы»

* * *

Татьяна Владимировна Топорова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва).